

LUDMIŁA ŁUCEWICZ
Uniwersytet Warszawski

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I О РУССКОЙ ПОЛИТИКЕ «ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА...»

Современная гуманитарная наука высоко ценит документы личного происхождения, помогающие понять сущность человеческой личности и/или характер исторической эпохи. В качестве составителей таких документов выступают представители самых разных социальных слоев — от полуграмотного крестьянина до всемирно известного деятеля. очевидцами эпохальных событий, оставивших письменные свидетельства о времени и о себе, нередко выступают политики, военные и государственные лица, царствующие особы. Из русских коронованных мемуаристов наиболее известны Екатерина II, Николай I, Николай II.

В советской историографии за Николаем I закрепились стойкие определения: «кровавый палач декабристов», «Николай Палкин», «солдафон с ограниченным умом и благородием», «лицемер», «деспот», «убийца Пушкина и Лермонтова» и проч. Современные авторы теоретически ратуют за необходимость всестороннего исследования личности и деятельности императора, но на деле продолжают оставаться не менее тенденциозными, чем их предшественники. Одна часть пшущих стремится представить императора рыцарем без страха и упрека¹, другая — паталогическим злодеем-лицемером². Сохранившиеся эго-документы дают возможность познакомиться с русским импе-

¹ Б.Н.Тарасов, *Рыцарь самодержавия (черты правления Николая I) // Николай I и его время (документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков)*, вступ. статья, сост. и примеч. Б.Н.Тарасова, ОЛМА-ПРЕСС, Москва 2000, с. 3–65.

² В. Колесникова, *Николай I. Лики масок государя: Психологические этюды*, ЗАО ОЛМА Медиа Групп, Москва 2008.

ратором в его собственной перцепции, которая имеет право на жизнь в не меньшей степени, чем характеристики и оценки его и наших современников.

В статье рассматриваются два автобиографических текста Николая I — *Записки* и *Ma confession* как документы личного происхождения, к созданию которых император обратился в 1831 г. Эти документы отражают личное отношение автора к событиям, участником которых он был и которые непосредственно повлияли на его жизненный путь и на историю России.

1.

Вступление Николая I на престол в 1825 г. произошло, как известно, при чрезвычайных обстоятельствах, когда после смерти Александра I внезапно обнаружился обширный тайный заговор, «гвардейский мятеж», попытка государственного переворота, что вынудило молодого императора предпринять экстренные меры для сохранения жизни членов его семьи и самой монархии. Об «ужасных» событиях, своих чувствах и переживаниях, связанных с ними, Николай «от чистого сердца» рассказал в *Записках*³, обращенных в первую очередь к собственным детям:

Я пишу не для света, — пишу для детей своих; желаю, чтоб до них дошло в настоящем виде то, чему был я свидетель. Решаюсь на сие для того, что испытываю уже после шести лет, сколь время изглаживает истину и память

³ *Записки Николая I* при жизни автора не печатались; впервые полностью были собраны и опубликованы в сборнике документов *Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи*, подгот. к печати Б.Е. Сыроечковский, Гос. изд-во (Тип. Печатный двор), Москва–Ленинград 1926, с. 11–35. Как установил публикатор Б.Е. Сыроечковский, *Записки* были «составлены в три срока: 1-я и 2-я части (тетради) в 1831 году, 3-я — в 1835 году и 4-я — в начале февраля 1848 года», там же, с. 10. Значительные фрагменты из *Записок* цитировались ранее, см. н-р, книги: М.А Корф, *Восшествие на престол Императора Николая I*, Тип. II-го Отделения Собственной Его Имп. Вел. Канцелярии, С-Петербург 1857; Н.К. Шильдер, *Император Николай I: его жизнь и царствование* в 2 т, изд. А.С. Суворина, С-Петербург 1903. П.Е. Щеголев *Николай I и декабристы. Очерки, Былое*, Петроград 1919. Современные издатели воспроизводят обычно текст *Записок Николая I*, опубликованный в сборнике *Междуцарствие*. В дальнейшем, кроме особо оговоренных случаев, документ цитируется по этому источнику с указанием слова *Записки* и номера страницы в тексте в скобках.

таких дел и обстоятельств, кои важны, ибо дают настоящее объяснение причинам или поводам происшествий, от коих зависит участь, даже жизнь людей, более, честь их, скажу даже — участь царств. — Буду говорить, как сам видел, чувствовал — от чистого сердца, от прямой души: иного языка не знаю (*Записки*, с. 11).

Записки задумывались как откровенное повествование о важнейших политических событиях, свидетелем которых был сам автор⁴. Между этими событиями и временем их описания прошло, как указывает Николай, шесть лет, что обуславливает достаточно высокий уровень субъективности этого текста. Император смотрит на «происшествия» 1825–1826 гг. сквозь призму своего сознания, сложившегося к 1831 г., связывает их с фактами личной биографии и соответственно выстраивает свою версию произошедшего. Факты и оценки, представленные императором — одним из главных участников русской декабрьской трагедии, любопытны и сами по себе как документы личного присхождения, и как свидетельства исторического лица, чьи решения определяли судьбы многих людей и страны в целом.

Николай I, по его словам, никогда не готовившийся «наследовать на престоле» (*Записки*, с. 13), волею старших братьев — Александра и Константина, стал монархом огромной империи в один из сложнейших моментов ее существования. 29-летний император вступил на престол, не имея ни теоретических познаний в управлении государством, ни какой-либо практики в политической сфере. И сразу же оказался в эстремальной ситуации, когда от его слов и поступков зависели жизни сотен людей и участь всего государства. В кратчайший период времени ему надо было не только обосновать свое право престолонаследия, но и вникнуть в суть политического кризиса, установить причины военного заговора, распространившегося «через всю империю, от Петербурга на Москву и до второй армии в Бессарабии» (*Записки*, с. 19), найти пути примирения с мятежниками или — в противном случае — эффективные способы немедленного подавления бунта. Огнеопасная ситуация междуцарствия, спро-

⁴ См. определение, зафиксированное в словарной статье *Мемуары*: «записки современников — повествования о событиях, в которых автор мемуаров принимал участие или которые известны ему от очевидцев». Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон, *Энциклопедический словарь*, т. XIX: Мекенен — Мифу-Баня, ред. К.К. Арсеньев, Ф.Ф. Петрушевский, Типо-Литография И.А. Ефрона, С-Петербург 1896, с. 70.

воцированная хаосом, возникшим в императорском доме после неожиданной смерти Александра I, резко осложнилась двумя присягами (сначала Константину, затем Николаю) и требовала максимальной выдержки и предельной осторожности. Упрямое нежелание Константина приехать из Варшавы в Петербург для публичного отречения от короны породило слухи о незаконном захвате власти Николаем. Этими слухами и воспользовались декабристы, спровоцировав выступление ряда воинских частей в защиту Константина, которому они уже присягнули.

В первый же день царствования, получив известие о «полном восстании» в столице (*Записки*, с. 22), Николай, по его признанию, пережил состояние парализующего ужаса. Не обнаружив возле себя надежных советников и боясь кровопролития, он сам пытался убедить «бунтовщиков» в законности своего права на престол и в необходимости мирного завершения противостояния. Однако, доводы его убеждали далеко не всех. Новый правитель оказался перед дилеммой: «пролить кровь некоторых и спасти почти наверно все; или, пощадив себя, жертвовать решительно государством» (*Записки*, с. 27). Непрестанно спрашивая себя, что делать, он, в конце концов, как пишет, «отдался в руки Божьи», решив «идти туда, где опасность угрожала» (*Записки*, с. 22). Впоследствии удивлялся тому, что, находясь в гуще событий, не погиб, хотя угроза подстерегала на каждом шагу:

[...] сердце замирало, признаюсь, и единый Бог меня поддержал. [...] Зарядив ружья, пошли мы вперед (*Записки*, с. 23). [...] В сие самое время услышали мы выстрелы, и вслед за сим прибежал ко мне князь Голицын [...] с известием, что граф Милорадович смертельно ранен (*Записки*, с. 23). [...] Меня встретили выстрелами (*Записки*, с. 24). Милосердие Божие оказалось еще разительнее [...], когда толпа лейб-гренадер, предводимая офицером Пановым, шла с намерением овладеть дворцом и в случае сопротивления истребить все наше семейство (*Записки*, с. 25). [...] ни я, ни кто не могли бы дела благополучно кончить, ежели б самому милосердию Божию не угодно было всем править к лучшему (*Записки*, с. 25).

В *Записках* Николай не раз подчеркнул, что в течение того «рокового» дня он замечал «спасительное» стечение обстоятельств и объяснял это покровительством Божиим по отношению к нему самому и его будущему царствованию⁵. В испытании

⁵ Ср.: В.А. Жуковский записал в дневнике 16 декабря 1825 г.: «Провидение сохранило Россию. Можно сказать, что Оно видимо хранит и начинающееся царствование. Какой день был для нас 14-го числа. В этот день все было на

трагическими событиями и в их успешном разрешении он усмотрел свою богоизбранную предназначенность. Эта установка на самосакрализацию⁶ отчетливо выступает в *Записках*. Много лет спустя фрейлина русского двора Анна Тютчева — внимательный, тонкий, а порой и саркастичный наблюдатель придворной жизни (1853–1866), нарисует в своих мемуарах выразительный (не без иронии) портрет Николая I как образцового — по форме и сути — самодержца:

Никто лучше как он [Николай I — Л.Л.] не был создан для роли самодержца. Он обладал для того и наружностью и необходимыми нравственными свойствами. Его внушительная и величественная красота, величавая осанка, строгая правильность олимпийского профиля, властный взгляд — все, кончая его улыбкой снисходящего Юпитера, все дышало в нем земным божеством, всемогущим повелителем, все отражало его незыблемое убеждение в своем призвании. [...] Его самодержавие милостию божией было для него догматом и предметом поклонения, и он с глубоким убеждением и верою совмещал в своем лице роль кумира и великого жреца этой религии — сохранить этот догмат во всей чистоте на святой Руси, а вне ее защищать его от посягательств рационализма и либеральных стремлений века — такова была священная миссия, к которой он считал себя призванным самим богом и ради которой он был готов ежечасно принести себя в жертву⁷.

Перед нами характеристика императора, уже четверть века стоявшего у кормила власти. Важно в данном случае то, что самовосприятие императора как самодержца «милостию божией», с намеренной отчетливостью проявленное мемуаристкой в дневнике начала 1850-х гг., по сути совпало с его собственной презентацией, запечатленной в автобиографических записях.

Буквально через несколько дней после восстания, 20 декабря, император признавался французскому посланнику П.-Л. Лафронэ:

краю гибели: минута, и все бы разрушилось. Но по воле Промысла этот день был днем очищения, а не разрушения». В.А. Жуковский, *Полное собрание сочинений и писем*, т. 13: *Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833*, сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич, Языки славянской культуры, Москва 2004, с. 239.

⁶ См. о сакрализации монарха в России как социокультурном феномене в: Б.А. Успенский и В.М. Живовов, *Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости*, Наука, Москва 1987, с. 47–153.

⁷ А.Ф. Тютчева, *При дворе двух императоров: воспоминания и фрагм. дневников фрейлины двора Николая I и Александра II*, послесл. С.В. Мироненко, Мысль, Москва 1990, с. 34–35.

Я начинаю царствовать под грустным предзнаменованием и со страшными обязанностями. Я сумею их исполнить. Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут — слишком много; но с вожаками и зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады. Закон изречет кару, и не для них воспользуюсь я принадлежащим мне правом помилования. Я буду непреклонен; я обязан дать этот закон России и Европе⁸.

По мнению современников, Николай был фигурой неоднозначной, но грубым тираном-деспотом, подчиняющим все и вся своей воле, он все же не был. В деле декабристов, как считал, например, отец известного богослова и философа — Степан Хомяков, он проявил «прекрасные поступки», «выказал характер величавый и благородный»⁹. Действительно, Николай был способен выслушивать не только признания подсудимых, но и их дерзости, прощать личные обиды, отдавать воинские почести государственному преступнику, помогать материально семьям приговоренных¹⁰ и проч. Однако, когда дело касалось легитимности власти, он становился непреклонен — здесь милость уступала место суровому суду. Монархическая власть в России традиционно опиралась на божественное право и священность принципа престолонаследия, нарушение которого каралось смертью. Когда начался судебный процесс, Николай дотош-

⁸ Цит. по: Н. Шильдер, *Император Николай I: его жизнь и царствование*, в 2 т, изд. А.С. Суворина, С-Петербург 1903, т. I, с. 347.

⁹ См. об этом, например, *Письмо к А.С. Хомякову в Париж отца его о событиях 14 декабря 1825 года от 3 (15) мая 1826 // Русский Архив. Историко-литературный сборник*, Университетская типография, Москва 1893, № 5, с. 123. Философ Владимир Соловьев видел «за суровыми чертами грозного властителя, резко выступавшими по требованию государственной необходимости (или того, что считалось за такую необходимость), в императоре Николае Павловиче [...] ясное понимание высшей правды и христианского идеала». В.С. Соловьев, *Памяти императора Николая I // В.С. Соловьев, Собрание сочинений В.С. Соловьева в 10 томах*, т. 7 (1892–1897), ред. и примеч. С.М. Соловьев, и Э.Л. Радлов, 2-е изд., Товарищество «Просвещение», С-Петербург 1966 с. 377 (фотогипическое издание).

¹⁰ Александр Булатов — герой войны 1812 г., был избран помощником «диктатора» Трубецкого, правда, 14 декабря ничем себя не проявил (стоял около Николая I, но царевубийства не совершил), вечером сам сдался властям. В заключении пережил душевную драму, раздробил голову о стену, через несколько дней умер. Николай его простил: «он жестоко поступил относительно меня; я ему прощаю», велел отдать этому офицеру при погребении воинские почести. «Жена Рылеева и мать Бестужевых молят о милосердии к себе и своей бедности; им дают пенсию». *Письмо к А.С. Хомякову*, с. 123.

но разбирался в показаниях арестованных, тщательно изучал сводку критических замечаний в адрес правительства, которая составлялась специально по его требованию, сам принимал участие в допросах. Следственная позиция, по словам императора, состояла в том, чтобы «не искать виновных, но дать каждому оговоренному возможность смыть с себя пятно подозрения» (*Записки*, с. 30). После первых же арестов стало известно, что мятеж должен был возглавить Сергей Трубецкой, его аресту и первому допросу Николай уделил особое внимание. Уже имея улики — «писанная рукою Трубецкого [...] программа на весь ход действий мятежников на 14 число» (*Записки*, с. 29), император предложил князю добровольно сознаться во всем. Трубецкой заявил, что ничего не знает. Николай следующим образом воспроизводит в *Записках* диалог «судьи» с «преступником»:

— Князь, опомнитесь и войдите в ваше положение; вы — преступник; я — ваш судья; улики на вас — положительные, ужасные и у меня в руках. Ваше отрицание не спасет вас; вы себя погубите — отвечайте, что вам известно?

— Повторяю, я не виновен, ничего я не знаю. [...]

— Ежели так, — возразил я, показывая ему развернутый его руки лист, — так смотрите же, что это?

Тогда он, как громом пораженный, упал к моим ногам в самом постыдном виде.

— Ступайте вон, все с вами кончено, — сказал я, и генерал Толь начал ему допрос. Он отвечал весьма долго, стараясь все затемнять, но, несмотря на то, избличал еще больше и себя и многих других (*Записки* с. 29–30)¹¹.

¹¹ Ср. с *Записками* Трубецкого: «Меня позвали; император пришел ко мне на встречу в полной форме и ленте и, подняв указательный палец правой руки прямо против моего лба, сказал: „Что было в этой голове, когда вы с вашим именем, с вашей фамилиею вошли в такое дело? Гвардии полковник! Князь Трубецкой!.. как вам не стыдно быть вместе с такою дрянью? Ваша участь будет ужасная” [...]. Пишите все, что знаете [...]. Я остался один. Видел себя в положении очень трудном. Не хотел скрывать принадлежности своей к тайному обществу, что и не привело бы ни к чему доброму, потому что ясно было из прочтенного мне и многих исписанных листов, что более известно, нежели бы я желал. Но между тем я не хотел иметь возможности упрекать себя, что я кого бы то ни было назвал». С.П. Трубецкой, *Записки (1844–1845, <1854> гг. // Мемуары декабристов*, Правда, Москва 1988, с. 49–50. В мемуарах Трубецкой пишет о своей стойкости, нежелании давать какие-либо показания на участников тайных обществ, о безуспешных попытках Николая получить от него откровенные признания. Но сохранилось следственное дело Трубецкого, из которого видно, что уже в письме от 19 декабря к ге-

Конечно, говорить об объективности или правдивости воссозданной сцены нет смысла. Николай, как и Трубецкой и другие декабристы в своих воспоминаниях, стремился представить себя в более выгодном свете, чем то было в реальности. Здесь очевидна характерная для мемуаров «установка на подлинность», которая далеко «не всегда равна фактической точности»¹². Мемуары традиционно претендуют на фактическую точность, но фактом здесь может выступать, наряду с датой, лицом или событием, — впечатление, настроение, переживание.

Допросы арестованных велись по единой схеме: «признания», «обстоятельства, более или менее полные», в целом — ничего «особенного» (*Записки*, с. 33). Подробнее Николай описал допросы и поведение наиболее «зlostных», «дерзких», «язвительных» мятежников — Оболенского, Бестужева (Марлинского), Каховского, Сергея Муравьева, Пестеля, Артамона Муравьева, Матвея Муравьева, Сергея Волконского и Михаила Орлова. Было немало эпизодов, когда заговорщики сначала отрицали свою причастность к тайным организациям, потом сознавались, раскаивались, просили прощения. И Николай миловал, хотя действия декабристов официально классифицировались как политическое преступление, направленное против императора, членов его семьи и государства. В соответствии с законодательством, непосредственные организаторы и участники преступления, а также злоумышленники, которые устно или письменно выразили свои намерения, по виновности уравнивались и наказывались смертной казнью¹³. Пятеро декабристов, признанные

нералу Левашеву князь просит дозволения «говорить истину всю так как я ее знаю, во всей полноте, не сокрывая ничего. [...] обязанность моя есть теперь сказать единственно все то, что для пользы Государя моего благодетеля и для спокойствия отечества послужить может». *Опись Делу о полковнике лейб-гвардии Преображенского полка князе Трубецком*, с. 10. В ответах на вопросные пункты от 23 декабря князь описал все, чем интересовалось следствие (с.13–23), а затем не раз дополнял и расширял свои показания.

¹² Л.Я. Гинзбург, *О психологической прозе*, «Художественная литература», Ленинградское отделение, Ленинград 1977, с. 7.

¹³ На тот момент действовало *Уложение Царя Алексея Михайловича* от 29 января 1649 г. Глава II *Уложения* под названием *О Государской чести...* в пункте 1 определяла наказание за злой умысел против особы государя, в пункте 2 — наказание за злоумышление против целостности государства. В обоих случаях виновный наказывался смертной казнью. См.: *Полное собрание законов Российской империи* [в 50 т.], *Собрание Первое*, т. I: 1649–1675 гг.,

судом вожаками и зачинщиками заговора, покусившимися на существование империи, согласно закону, не могли быть помилованы. Их казнь — кара за посягательство на принцип легитимности монархической власти, по мысли Николая I, — и есть «урок» России и всей Европе.

Сами подследственные хорошо понимали сложившуюся ситуацию. Фрагменты их признаний (зачастую покаянных) по существу являют собой вариации исповедей, где есть раскаяние, осознание греха, метанойя, предостережение. Показательно в этом отношении, например, письменное покаяние одного из идеологов царевбийства — Кондратия Рылеева, обращенное к императору:

Святым даром Спасителя мира я примирился с Творцом моим. Чем же возблагодарю я Его за это благодеяние, как не отречением от моих заблуждений и политических правил? Так, Государь, отрекаюсь от них чистосердечно и торжественно; но чтобы запечатлеть искренность сего отречения и совершенно успокоить совесть мою, дерзаю просить Тебя, Государь! будь милостив к товарищам моего преступления¹⁴. Я виновнее их всех; я, с самого вступления в Думу Северного общества, упрекал их в недеятельности; я преступной ревностью своею был для них самым гибельным примером; словом, я погубил их; через меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбе своей ко мне и по благородству, не скажут сего, но собственная совесть меня в том уверяет. Прошу Тебя, Государь, прости их: Ты приобретешь в них достойных верноподданных и истинных сынов Отечества. Твое великодушие и милосердие обяжет их вечною благодарностью. Казни меня одного: я благословляю десницу, меня карающую, и Твое милосердие и перед самой казнью не престану молить Всевышнего, да отречение мое и казнь навсегда отвратят юных сограждан моих от преступных предприятий противу власти верховной¹⁵.

ред. М.М. Сперанский, тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, С-Петербург 1830, с. 3–4.

¹⁴ Рылеев сразу после ареста, вечером 14 декабря, пишет признательные *Собственноручные показания*, которые завершает просьбой: «я прошу одной милости пощадить молодых людей, вовлеченных в общество». *Материалы следственного дела К.Ф. Рылеева // Восстание декабристов. Материалы*, т. 1, ред. М.Н. Покровский, Государственное издательство, Москва–Ленинград 1925, с. 152. В письме к императору от 16 декабря просьбу повторяет: «Прошу об одной милости: будь милосерд к моим товарищам: они все люди с отличными дарованиями и с прекрасными чувствами. Твое милосердие соделает из них самых ревностных верноподданных твоих и обезоружит тех, кои пожелают идти по следам нашим», *Восстание декабристов...*, с. 155.

¹⁵ Цит. по: Н. Котляревский, *Рылеев*, Библиотека «Светоча», С-Петербург 1908, с. 184–185. См. также прощальное письмо Рылеева к жене: «Бог и Государь решили участь мою: я должен умереть и умереть смертью позорною. Да бу-

Здесь есть раскаяние в грехах и признание своей вины («отрекаюсь от моих заблуждений и политических правил»; «через меня пролилась невинная кровь»), перемена убеждений, осознание гибельности избранного пути и предостережение юношеству («отречение мое и казнь навсегда отвратят юных сограждан моих от преступных предприятий противу власти верховной»). Неизвестно, дошло ли до Николая это покаянное признание (оно было обнаружено на обороте одного из писем жены Рылеева), но сам факт его наличия свидетельствует о сложном комплексе чувств, переживаемых «государственным преступником», и о несомненной искренности его отречения от бывших «заблуждений». Юрий Лотман, изучивший множество следственных документов по делу 14 декабря, отмечал двойственность отношений, складывавшихся порой между «дознавателями» и «преступниками». Революционеры-мятежники на допросах в присутствии императора и генералитета нередко демонстрировали «полную растерянность», их поведение обуславливалось «долгом офицера перед старшими по званию и чину, обязанностями присяги, честью дворянина», а не революционера — ниспровергателя режима, что заставляло их «метаться [...] от одной из этих норм к другой»¹⁶. Сам «судья» и «палач декабристов» также испытывал неоднозначные чувства — даже к тем, кого обреч на казнь. Сохранилось свидетельство современника об отношении Николая к двум главным виновникам мятежа: «В Пестеле я вижу

дет Его святая воля! Мой милый друг, предайся и ты воле Всемогущего, и он утешит тебя. За душу мою молись Богу. Он услышит твои молитвы. Не ропщи ни на него, ни на Государя: это будет и безрассудно и грешно. Нам ли постигнуть неисповедимые суды Непостижимого? Я ни разу не взроптал во все время моего заключения, и за то Дух Святой дивно утешал меня. Подивись, мой друг, и в сию самую минуту, когда я занят только тобою и нашею малюткою, я нахожусь в таком утешительном спокойствии, что не могу выразить тебе. О, милый друг, как спасительно быть христианином. Благодарю моего Создателя, что Он меня просветил и что я умираю во Христе. Это дивное спокойствие порукою, что Творец не оставит ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога не предавайся отчаянью: ищи утешения в религии. Я просил нашего священника посещать тебя. Слушай советов его и поручи ему молиться о душе моей...». *Процесс декабристов. Донесение. Следствие. Приговор. Письмо Рылеева из крепости. Указы*, Изд. И.А. Малинина, Типолитография В. Рихтер, Москва 1905, с. 121.

¹⁶ Ю.М. Лотман, *Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория)* // он же, *Избранные статьи в 3 т.*, т. I, Александра, Таллинн 1992, с. 317.

соединение всех пороков заговорщика, в Рылееве же — всех добродетелей»¹⁷. О том, что после вынесения приговора «государственным преступникам» император сам находился в тревожном, смятенном, противоречивом состоянии свидетельствует его письмо к императрице-матери Марии Федоровне от 12 июля 1826 г.:

[...] приговор произнесен и объявлен виновным. Трудно передать то, что во мне происходит; у меня прямо какая-то лихорадка, которую я не могу в точности определить. К этому состоянию примешивается чувство какого-то крайнего ужаса и в то же время благодарности Богу за то, что он помог нам довести этот отвратительный процесс до конца¹⁸.

В *Записках* Николай настаивает на том, что его вера в Божье покровительство в день мятежа и последующего суда укореняла в сознании убежденность в его богоизбранной предназначенности. С того момента провиденциализм становится характерной чертой мировоззрения императора; свое царствование он воспринимает однозначно как долг, возложенный на него свыше.

20 декабря 1825 на приеме иностранных дипломатов Николай, по воспоминаниям современников, заверив гостей в своем прямодушии, искренности и честности, изложил официальную версию событий, сопровождавших его воцарение. Причина обширного военного заговора, по мнению императора, коренилась в «революционном духе, внесенном в Россию горстью людей, заразившихся в чужих краях новыми теориями», который «внушил нескольким злодеям и безумцам мечту о возможности революции»¹⁹. Николай подчеркнул, что петербургский опыт борьбы с мятежниками, быстрая и эффективная ликвидация «разветвленного заговора» — это «пример России», достойный подражания, своего рода «услуга Европе», призванная убедить европейские правительства в том, что «с доверием и твердостью не невозможно обуздать дерзость революционеров и расстроить их злодейские умыслы»²⁰. А в разговоре с младшим братом — Михаилом Павловичем, клятвенно пообещал: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока, Божьей милостью, я буду

¹⁷ Д. Кропотков, *Из жизни М.Н. Муравьева*, «Русский вестник» 1874, № 1, с. 64.

¹⁸ *Междоцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи...*, с. 208.

¹⁹ Цит. по: Н.К. Шильдер, *Император Николай I...*, т. I, с. 342.

²⁰ Цит. по: там же.

императором»²¹. События, в описаниях Николая и его современников, бесспорно, подверглись определенным изменениям. И дело не только в том, что что-то сознательно замалчивалось, а что-то намеренно подчеркивалось. Согласно наблюдениям психологов, в автобиографической памяти пишущего, вольно или невольно, происходит искажение событий²²: какие-то важные элементы могут нивилироваться, какие-то второстепенные, наоборот, становятся особо значимыми, не говоря уже о том, что версия произошедшего воссоздается автором в соответствии с его собственными целями, задачами, приоритетами. Документ личного происхождения (даже при наличии, казалось бы, относительно объективного содержания) выражает взгляды, предпочтения, систему ценностей его автора, а это значит — всегда остается субъективным свидетельством. И *Записки* императора здесь не исключение.

Показателен, конечно, сам факт того, что именно в период французской революции (1830), всколыхнувшей весь европейский континент, Николай примется за свои записи, возвращаясь памятью через шесть лет к русскому гвардейскому мятежу. Он не просто вспоминает «ужасные» события 1825–1826 гг., предлагая свои объяснения и оценки, он актуализирует в тот момент свой собственный опыт борьбы с революцией. *Записки*, таким образом, внутренне тесно связаны с *Ma confession*.

2.

В *Ma confession*²³ Николай I стремится чистосердечно разобраться в непростой международной обстановке. Написанная

²¹ Цит. по: там же, т. I, с. 315.

²² См. подробнее об этом: В.В. Нуркова, *Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности*, Изд-во УРАО, Москва 2000. Ричард О'Коннор подчеркивает: «нашему „непроизвольному Я” прекрасно удастся не только исказить, но даже создавать воспоминания». Р. О'Коннор, *Психология вредных привычек*, пер. с англ. А. Логвинская, Изд. Манн, Иванов и Фербер, Москва 2015, с. 49.

²³ См.: *Собственноручная записка Императора Николая 1830 года „Ma confession”*. (Политическая исповедь Императора Николая), в: *Николай Первый. Рыцарь самодержавия* [записки, речи, манифесты. Мемуарные свидетельства], сост., вступ. ст., коммент. Б.Н. Тарасова, Олма Медиа Групп, Москва 2008, с. 95–132, с. 95, с. 132–135. В дальнейшем этот источник цитируется с указанием *Ma confession* и номера страницы в тексте в скобках.

по-французски *исповедь* именуется обычно «запиской» — не только из-за небольшого объема самого текста, но и, вероятно, по аналогии с другими произведениями императора, написанными собственноручно²⁴. Дату *Ma confession* автор не указал; публикация обычно сопровождается отметками: «без даты», «Арх. Мин. Иностр. Дел» (Архив Министерства Иностранных дел). Историк и биограф русских царей — Николай Шильдер, исходя из изложенных в *Ma confession* фактов, без труда установил, что «записка императора Николая написана им в 1831 году»²⁵.

По внешним признакам *Ma confession* довольно трудно отнести непосредственно к жанру исповеди. В соответствии с утвердившейся многовековой традицией, идущей от бл. Августина, литературная исповедь предполагает покаяние в грехах, открытое признание в слабостях и даже в преступлениях, нравственное перерождение личности, исповедание христианской веры. Ничего подобного в *Ma confession* нет. Возникают вопросы: что же послужило основанием для того, чтобы назвать «записку» *Ma confession*? Перед кем автор исповедуется? Что исповедует?...

Попытаемся проникнуть в суть этого императорского текста.

С самого начала *Ma confession* совершенно очевидно, что император испытывает потребность лично проанализировать события, происшедшие в Европе, четко и недвусмысленно выразить свое отношение к ним, ему важно также предугадать развитие революционной ситуации и, по возможности, предопределить, предвосхитить последствия, тщательно выстроив при этом свою внешнеполитическую концепцию.

Важность предстоящих обстоятельств, в их связи с прямыми интересами России, привела меня к необходимости дать себе отчет в их значительности. В результате этого дознания перед судом своей собственной совести очертились мои обязанности (*Ma confession*, с. 132–133).

Николай I акцентирует значимость европейских событий в их непосредственной соотнесенности с российскими интересами и, как следствие этого, возлагает на себя определенные обязанности, руководствуясь, по словам его биографа, «нрав-

²⁴ Кроме *Записок Николая I*, это *Записки имп. Николая Павловича о прусских делах*; *Записка Императора Николая I о войне с Турцией* и др.

²⁵ Н.К. Шильдер, *Император Николай I...*, т. II, с. 469.

ственными требованиями», которые «ставил выше всех политических соображений»²⁶. Наблюдения, касающиеся характера сложившихся международных отношений, расстановка политических сил, а также принятые на себя личные обязательства — в центре внимания императора. Значит, причины обращения автора к исповеди продиктованы непосредственно европейскими революциями 1830 года.

Любая исповедь, основываясь на искренности, правдивости, чистосердечности исповедующегося, традиционно требует покаяния, но этот аспект практически не получает выражения в *Ma confession*. Императорская исповедь — это не признание в проступках, не раскаяние в каких-либо грехах, а именно «необходимость дать себе отчет», «дознание перед судом своей собственной совести», то есть добросовестное *расследование* (показательные синонимы: «следствие», «разбирательство», «рассмотрение», «разбор») событий и ситуаций, откровенное изложение своего мнения по внешнеполитическим вопросам 1830 г. В данном случае, несомненно, сказался опыт расследования, розыска, суда над декабристами 1825–1826 гг.

Перед кем исповедуется император? Наличие определенного адресата всегда является конститутивным признаком исповеди, которая невозможна иначе как в выражении «себя для другого и для себя самого»²⁷. Как вытекает из признания, Николай исповедуется прежде всего перед собой, перед собственной совестью. Вместе с тем в тексте явственно ощущаются и другие адресаты — европейские союзники/противники. Николаю, видимо, важно было проговорить и зафиксировать на письме те истины, в исполнении которых он видит свой союзнический долг. Желание «говорить [...] от чистого сердца, от прямой души» пронизывает его *Ma confession* в не меньшей степени, чем личные *Записки*. Современники называли Николая I «жандармом Европы», но и поборником законности, справедливости, порядка. Уже упомянутая ранее Анна Тютчева при резко критическом отношении к правлению Николая I называла его «Дон Кихотом самодержавия», «человеком, соединявшим с душою великодушной и рыцар-

²⁶ С.С. Татищев, *Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки*, Тип. И.Н. Скороходова, С-Петербург 1889, с. 128.

²⁷ М.М. Бахтин, *Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа* // он же, *Эстетика словесного творчества*, сост. С.Г. Бочаров, Искусство, Москва 1979, с. 289.

ской характер редкого благородства и честности, сердце горячее и нежное и ум возвышенный и просвещенный»²⁸. Эти противоречивые свойства личности по-своему обнаруживаются в исповеди.

Что исповедует русский император? В христианстве исповедь, как правило, объединяет в себе как покаяние в грехах, так и исповедание веры. На первый план в *Ma confession* Николая I выходит именно исповедание, но не столько непосредственно христианских постулатов, сколько политических норм и правил, собственных морально-нравственных убеждений.

Царь, как видно из текста, прежде всего заботится о благополучии своей страны. Отмечая ее уникальное геополитическое положение, он указывает на самодостаточность и независимость России от европейской политики и экономики:

Географическое положение России столь счастливо, что оно делает ее почти независимой, когда речь заходит о ее интересах, от происходящего в Европе; ей нечего опасаться; ей достаточно границ и ничего не нужно в этом отношении, поэтому она не должна бы никому доставлять беспокойства (*Ma confession*, с. 133).

Подчеркнув полную самостоятельность России, которая никому не «доставляет беспокойства» и ничего не требует от европейцев, император вместе с тем настойчиво напоминает об освободительной роли России в Европе, что официально было давно зафиксировано в ряде принципиально значимых договорных документов.

Обстоятельства, в которых заключились существующие договоры, относятся ко времени, когда Россия, победив и уничтожив неслыханную агрессию Наполеона, пришла освободить Европу и помочь ей свергнуть удушающий ее гнет (*Ma confession*, с. 133).

Значение России как главного освободителя Европы на тот момент было общепризнано. Венский конгресс (1815), обозначив ведущую роль стран-победительниц, утвердил, как известно, новую расстановку сил в Европе, где ключевое значение приобретали Россия, Пруссия и Австрия. Созданный по инициативе Александра I Священный союз (1815) призван был, опираясь на христианские ценности, поддерживать незыблемость послевоенных европейских границ, нерушимость монархий, а главное

²⁸ А.Ф. Тютчева, *При дворе двух императоров...*, с. 35.

— бороться против революций. В течение многих лет тройственный союз внешне казался монолитным. Но, как отмечает теперь Николай, не все было гладко и согласованно между союзниками и только благодаря усилиям Александра I Священный союз выполнял взятую на себя роль:

[...] не раз эти два государства [Пруссия и Австрия — Л.Л.] отклонялись от буквального смысла или от основополагающих начал, на которых строились союзнические соглашения. И всегда терпение и умеренность Императора, его неисчерпаемое желание сохранить видимость самой совершенной близости помогали находить истинный путь или скрывать расхождение мнений (*Ma confession*, с. 133).

После смерти Александра расхождения между партнерами стали более очевидными. К 1830 г. только Россия, по убеждению Николая I, по-прежнему считала Священный союз одной из приоритетных целей своей внешней политики, другие же государства нередко опирались на его авторитет для решения своих национальных интересов. Это и раздражало русского царя.

Но память о благодеяниях стирается скорее, чем об обидах; уже в Вене недобросовестные силы чуть было не разрушили едва скрепленный союз. И понадобилась новая известная опасность, чтобы отдельные государства открыто объединились с державой, которая уже была однажды их освободительницей и всегда сохраняла великодушие (*Ma confession*, с. 133).

Николай I неустанно напоминал союзникам, что дорожит легитимными принципами абсолютной монархии, скептически относится к либерализму и конституционализму и абсолютно не принимает революционизма.

Кается ли русский царь в каких-либо грехах? Нет. Скорее обвиняет.

Сообщение о революции во Франции и о порожденной ею монархии Орлеанов произвело на императора самое неприятное впечатление. Было нарушено не только божественное право наследственной монархической власти, но и международное право, опирающееся на договоры, подписанные европейскими государствами в 1813–1815 гг. Соблюдение и защиту международных договоренностей Николай считал священной обязанностью всех правителей. «Позорная июльская революция» (*Ma confession*, с. 133) низложила старую ветвь династии Бурбонов, законность которой утвердил Венский конгресс. Вину за это Ни-

колай возлагает на французского короля Карла X, проводившего недальновидную политику:

Уже давно мы предвидели это ужасное событие и исчерпали при дворе Карла X и его министров все средства убеждения, которые допускают дружба и наши хорошие отношения. Все было напрасно. Отныне мы не колеблемся громко осудить незаконные демарши Карла X, но можем ли мы, в то же самое время, признать законным главой во Франции лишь того, кто по полному праву должен быть к тому призван? (*Ma confession*, с. 133).

Непосредственным поводом июльской революции (1830) послужили, как известно, подписанные Карлом X ордонансы о роспуске палаты депутатов, ограничении избирательного права, репрессиях против либеральной прессы. Нарушение узаконенной конституции самим королем и привело к его свержению. Русский император, по словам его биографа Сергея Татищева, испытывая «отвращение к формам конституционной монархии», руководствовался глубоким убеждением в том, что

[...] законным источником верховной власти может служить лишь божественное право и основанный на нем принцип наследственности, а отнюдь не так называемое народное самодержавие, из которого династия Орлеанов почерпала власть свою. В глазах императора Николая — король «волею народа» не был равноправным членом семьи государей «Божиею милостию»²⁹.

Следуя своим легитимистским убеждениям, Николай I защищал закон как основу всякого порядка и требовал постоянного контроля над его соблюдением. Он совершенно искренне не понимал, почему французы и бельгийцы не использовали «пример России», отвергнувшей революционный декабризм, почему не пошли по ее пути или хотя бы не осудили во всеуслышанье своих радикалов.

30 июля 1830 г. французский парламент предложил занять трон Луи-Филиппу (1773–1850), принадлежавшему к Орлеанской ветви династии Бурбонов. Он сразу же согласился и на следующий день был провозглашен королем (1830–1848). Луи-Филипп войдет в историю как либеральный король-гражданин. Однако сам факт нелегитимного изгнания Карла X представлял, по мысли Николая I, не только грубейшее нарушение принципов Священного союза, но и реальную опасность для всех европей-

²⁹ С.С. Татищев, *Император Николай и иностранные дворы...*, с. 128.

ских монархов. Русский император в пылу негодования даже намеревался разорвать дипломатические отношения с Францией и направить на подавление июльской революции свои войска³⁰. Николай так никогда и не смирился с восшествием на престол Луи-Филиппа, не принял «законность правления ставленника революции»³¹.

Особо же возмущало русского императора поведение стран-союзниц в сложившейся ситуации. Австрия, Пруссия и Россия мыслились Николаем в качестве составляющих единой политической структуры, четкое функционирование которой возможно только в теснейшем коллегиальном взаимодействии. Однако император прекрасно видел, что нередко взаимодействие нарушалось. Это произошло и сейчас, обусловив нежелательную двойственность России в глазах Европы:

Однако наши союзники, не посоветовавшись с нами в столь важном и окончательном решении, поспешили своим признанием увенчать революцию и захват — фатальный и непостижимый поступок, породивший цепь бедствий, которые с тех пор не переставали обрушиваться на Европу. Мы сопротивлялись, как и должны были делать, и я уступил лишь по единственной причине сохранения союза. Но легко было предвидеть, что пример столь пагубной низости повлечет за собой серию подобных событий и поступков (*Ma confession*, с. 134).

Предвидение Николая оправдалось. Революция во Франции дала мощнейший толчок к началу революционных событий в Брюсселе³², что в конечном итоге завершилось распадом Нидерландского королевства: Бельгия, отделившись от Голландии, объявила себя новым самостоятельным государством. Николай I воспринял бельгийскую революцию как прямое покушение на установившийся после наполеоновских войн европейский порядок. Бельгийские события интересовали Николая, пожалуй, не меньше, если не больше, чем французские, так как его сестра — Анна Павловна, была замужем за наследником нидерландского престола принцем Виллемом Оранским. Русский император немедленно предложил Австрии и Пруссии программу по объединению усилий для борьбы с революцией. С его точки зрения, это

³⁰ См. воспоминания французского дипломата в России Поля де Бургоэна в: *Николай I глазами современников*, [составитель Я. Гордин], Пальмира, Москва 2017, с. 173–179.

³¹ *Николай I глазами современников...*, с. 180–181.

³² См. А.С. Намазова, *Бельгийская революция 1830 года*, Наука, Москва 1979.

было крайне необходимо еще и потому, что в ряде стран Германского союза (Саксонии, Брауншвейге, Гессене, Ганновере, Баварии) также прошли волнения. Однако и на этот раз союзники заняли, по его мнению, беспринципную позицию. Эмоциональное состояние императора выражено концентрацией риторических фигур — вопросов и восклицаний, в его исповеди:

Существует ли еще прежний союз, когда две из держав идут прямо в противоположном направлении относительно сложившихся договоренностей? Существует ли он еще, когда Пруссия дает нам понять, что, даже в случае французского вторжения в Австрию, она окажет ей лишь моральную помощь! Это ли, Боже милостивый, союз, созданный нашим бессмертным Императором? (*Ma confession*, с. 134).

Для Николая было очевидно: политические партнеры намеренно отклоняются от установленных принципов. Планы союзников, действительно, были далеки от единства: Австрию на тот момент интересовали события преимущественно в Италии, Пруссию — территориальные претензии Франции на Рейнские провинции. Париж и Лондон вообще стремились дистанцироваться от происходящего, заявив о позиции невмешательства во внутренние дела Бельгии. В конечном итоге Николай вынужденно констатировал:

Мы признали факт независимости Бельгии, потому что его признал сам Король Нидерландов; но не признаем Леопольда, ибо не имеем никакого права на это, поскольку его не признает Король Нидерландов. Однако в то же время не станем скрывать нашего явного неодобрения двойного и фальшивого поведения Короля и отстранимся от участия в конференции (*Ma confession*, с. 135)³³.

Национальный конгресс Бельгии 22 ноября 1830 г. проголосовал за конституционную монархию, в феврале 1831 г. принял конституцию, а 4 июня 1831 г. избрал герцога Орлеанского Леопольда Саксен-Кобургского (1790–1865) бельгийским королем под именем Леопольда I. Новый король находился в родстве

³³ Лондонская конференция, собравшаяся в декабре 1830 г., признала независимость Бельгии, в январе 1831 г. приняла решение о ее нейтралитете и неприкосновенности ее территории. Участниками конференции были представители России, Англии, Франции, Австрии и Пруссии. Голландский король не признал законность этих решений, однако его протест был проигнорирован.

с российским двором: одна его сестра — Анна Федоровна (урожденная принцесса Юлианна-Генриетта-Ульрика Саксен-Кобург-Заальфельдская), была женой Константина Павловича, другая — Антония, была замужем за братом императрицы Марии Федоровны (матери Николая I). Сам Леопольд, находясь на русской службе, принимал участие в сражениях против армии Наполеона, был награжден орденом Святого Георгия и золотой шпагой с алмазами. Впоследствии он много путешествовал, был хорошо известен при королевских дворах как человек способный и деятельный. В 1828 г., когда Греция после упорной борьбы с Турцией обрела независимость, тройственный союз предложил Леопольду корону этой страны. Но слабая, раздробленная Греция не очень заинтересовала претендента. Поначалу он все же принял пропозицию, но в мае 1830 г. отказался³⁴. Предложение принцу Леопольду бельгийской короны вызвало недовольство Николая I, хотя он понимал, что если нидерландского короля Виллема I это избрание устраивает, то и России не стоит возражать. Видя в данном случае ограниченность своего влияния, Николай обдумывает и как бы предопределяет свои будущие поступки:

Если Франция и Англия объединятся для нападения на Голландию, мы будем протестовать, так как не можем сделать большего; по крайней мере, русское имя не будет замарано сообщничеством в подобном акте (*Ma confession*, с. 135).

Русский император заботится о соблюдении установившегося политического порядка в Европе и о реальных интересах своей страны как европейского государства, при этом постоянно подтверждая приверженность принятым на себя обязательствам. Однако в случае уклонения союзников от существующих договоренностей по защите европейских границ, он не желал в одиночестве нести все тяготы военных действий и подвергать опасности свою страну и ее защитников:

В минуту опасности нас всегда увидят готовыми незамедлительно прийти на помощь союзникам, которые остались бы верными нашим старым принципам. Однако в противном случае Россия никогда не пожертвует ни своими сокровищами, ни драгоценной кровью своих солдат (*Ma confession*, с. 135).

³⁴ Временным главой государства в 1828 г. был назначен бывший министр иностранных дел России граф Иоанн Каподистрия (1776–1831).

Николай, руководствуясь в политике понятием рыцарской чести, вновь подтвердил приверженность союзническим обязательствам. В отличие от своего старшего брата — Александра I, всегда старавшегося удержать Европу в поле своего непосредственного влияния, он не стремится любой ценой спасти европейские народы от надвигающейся революционной угрозы. Не исключая для России возможности «изолированного положения» в ближайшем будущем, Николай считал его более приемлемым, нежели какие-либо нарушения легитимности монархической власти. «Вот моя исповедь, она серьезна и решительна. Она ставит нас в новое и изолированное, но осмелюсь сказать, почтенное и достойное положение» (*Ma confession*, с. 135).

Как видно, Николай трактует свою исповедь как некое и с п о в е д а н и е — откровенное выражение своих монархических убеждений, свидетельство верности принятым на себя обязательствам перед союзниками, стойкое следование принципам, выраженным в документах Священного Союза. Причем все это, в его разумении, сохраняет актуальность лишь при соблюдении союзниками условий паритетности. В противном случае Россия как самостоятельное государство вполне способно воздержаться от контактов с другими государствами и существовать обособленно, выстраивая свою внешнюю политику на основе невмешательства в международные дела, отказываясь от политических и военных обязательств по отношению к другим странам. Россия по-прежнему обладает серьезным военным авторитетом в Европе, отсюда задиристый риторический вопрос императора: «Кто осмелится нас атаковать?». Очевидно — никто. Но все же Николай обозначил традиционные «силы» русской армии: Господь Бог и народ: «А если и осмелится, то я найду надежную опору в народе, который смог бы оценить такую позицию и наказать, с Божьей помощью, дерзость агрессоров» (*Ma confession*, с. 135). Так рассуждал император в 1831 г. Убежденность в том, что революционизм абсолютно чужд русскому духу и что Господь всегда на стороне России, обуславливала позитивную оценку российского «изоляционизма», мыслимого как некое романтическое противостояние всему свету.

Исповедь Николая I имеет специфические черты, обусловленные особенностями политического дискурса, причем часть ее не только включает в себя ряд актуальных вопросов, но и предлагает возможные (вероятностные) пути их решения в ближайшем будущем. Для самого императора *Ma confession* выполняет

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I О РУССКОЙ ПОЛИТИКЕ...

также некую назидательную функцию: через эту исповедь окончательно уясняется, осознается и утверждается в качестве неколебимой идея легитимной монархии. Мощная идеологизация политики — внутренней, опиравшейся на уваровскую триаду (самодержавие, православие, народность), и внешней, где доминирует установка на борьбу с любыми формами революционности, приобрела широкий размах и стала характерной чертой николаевской эпохи.

Представления же императора о себе, выраженные в *Записках* и *Ma confession*, вылились в достаточно четкую Я-концепцию, основанную на непосредственных результатах саморефлексии, самооценок, соотнесении себя с «другими» в сложных политических обстоятельствах. Документы личного происхождения показывают русского императора как консервативного и вместе с тем романтически устремленного политика, имеющего определенные политические пристрастия, которые он стремится распространить на все сферы своей деятельности. Эти эго-документы и послужили в значительной степени основой для создания официальной концепции личности Николая I, утвердившейся в русской историографии XIX в.

Ludmiła Łucewicz

CESARZ MIKOŁAJ I O ROSYJSKIEJ POLITYCE „ZE SZCZEREGO SERCA...”

Streszczenie

Współczesna humanistyka wysoko ceni dokumenty osobiste, które pomagają zrozumieć zarówno treść ludzkiej osobowości, jak i charakter epoki historycznej. Uczestnicy i obserwatorzy kluczowych historycznych wydarzeń — politycy, wojskowi, urzędnicy państwowi, osoby panujące — często zostawiają pisemne wspomnienia, związane ze sobą oraz epoką. W artykule rozpatrywane są dwa autobiograficzne teksty cara Mikołaja I — *Zapiski* i *Ma confession* jako dokumenty autobiograficzne, do stworzenia których car przystąpił w 1831 roku. Odzwierciedlają one osobisty, subiektywny stosunek autora do wydarzeń, uczestnikiem których był i które miały bezpośredni wpływ nie tylko na wybór jego własnej drogi życiowej, ale również na historię Rosji.

Lydmila Lutsevich

EMPEROR NICHOLAS I ABOUT RUSSIAN POLITICS «FROM CLEAN HEART...»

Summary

Modern humanitarian science highly appreciates the documents of the personal origin, that help to understand essence of human personality and the character of historical epoch. Participants and observers of meaningful epochal events such as politicians, defense and government officials, reigning persons – quite often abandon the written memoirs about themselves and the current epoch. In the article are considered two autobiographical texts of the Russian Emperor Nicholas I: *Messages* and *Ma confession* as documents of the personal origin, to creation of which the Emperor turned in 1831. These documents reflect the personal, subjective attitude of the author toward events, the participant of which he was, and which directly influenced on his course of life and on history of Russia.